Тарас Бублык

Проблема греко-католической идентичности в Западной Украине в ходе борьбы за легализацию (рубеж 1980–1990-х гг.)

Taras Bublyk

Greek Catholic Identity in Western Ukraine During the Process of Legalization, 1980s — 1990s

Taras Bublyk — Assistant Professor of the Department of Church History, Ukrainian Catholic University (L'viv, Ukraine). tarbublyk@gmail.com

The article deals with the revival of the Ukrainian Greek Catholic Church in the 1980-1990s. The Church officially ceased to exist in 1946 after the «reunification» with the Russian Orthodox Church. Nevertheless, the part of the Greek Catholic clergy and the faithful did not recognize this act and moved to the underground. The process of legalization and revival was accompanied by the growing movement for the Ukrainian national independence. At the same time, the Church continued to remain faithful to the Apostolic See, constantly emphasizing their belonging to the Catholic Church. The legalization of the Church involved not only the relationships with the states, but also with other churches — the Russian Orthodox Church, the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, and the Roman Catholic Church. The heated inter-religious conflict was deeply entangled with the issue of national and ecclesiastic identity.

Keywords: Ukraine, Greek Catholic Church, Soviet Union, religious identity, national identity.

Историческая судьба украинских греко-католиков в условиях советского режима в последние десятилетия является объектом научного интереса многих исследователей на Украине и за ее пределами. В первое время после демократических изменений в Центрально-Восточной Европе и либерализации общественной и религиозной жизни

в СССР внимание ученых главным образом было сосредоточено на репрессивной политике сталинского режима и ликвидации Украинской греко-католической церкви (УГКЦ)[1]. Сейчас доминирующее место в исследованиях начинает занимать период, связанный с борьбой греко-католиков за легализацию и выход из подполья в 80-е — начале 90-х гг. XX века. Однако даже в этих исследованиях в основном рассматриваются общественно-политические обстоятельства и государственно-церковные взаимоотношения (Б. Боцюркив, Н. Белякова, В. Войналович, В. Пащенко, Я. Стоцкий)[2]. Напротив, вопросы внутренней церковной жизни, экклесиология идентичности греко-католиков и факторы, которые способствовали возвращению или обращению в УГКЦ священников и верующих, не находившихся в подполье, обычно остаются без должного осмысления в научной литературе. Отдельные аспекты этой проблематики раскрываются в трудах П. Галадзы, Б. Гудзяка, В. Еленского, О. Турия и других[3].

Изучению этих сложных процессов в последнее время содействует постоянное расширение источниковой базы благодаря исследованию недоступных ранее государственных архивных фондов, частных коллекций, проведению проектов по собранию устных свидетельств, появлению биографических и мемо-

1. *Гуркіна С., Турій О.* Історична доля Української Греко-Католицької Церкви після Другої світової війни: «добровільне возз'єднання» — «державна ліквідація» — «конфесійний прозелітизм» // Наукові записки Ужгородського університету. Серій: історично-релігійні студії. Ужгород, 2013. Вип. 2. С. 40–72.

2. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946-1989) // Ковчег. Збірник статей з церковної історії. Львів, 1993. № 1. С. 123–164; *Белякова Н.* Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124–130; *Войналович В.* Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. Київ: Світогляд, 2005; *Пащенко В.* Греко-католики в Україні (від 40-х років XX століття до наших днів). Полтава, 2002; *Стоцький Я.* Держава і релігії в Західних областях України: конфесійні трансформації в контексті державної політики 1944–1964 років. Київ: ФАДА, ЛТД, 2008.

3. *Ґаладза П.* Сприйняття Другого Ватиканського собору греко-католиками в Україні // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів: Видавництво УКУ, 2001. Ч. 3. С. 377–400; *Ґудзяк Б.* Релігійне життя в Україні у перші п'ять років незалежності // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів: Видавництво УКУ, 2000. Ч. 2. С. 165–185; *Єленський В.* Релігія після комунізму: релігійно-соціальні зміни в процесі трансформації центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. Київ: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2002; Віра після атеїзму: релігійне життя в Україні в період демократичних перетворень і державної незалежності/Под ред.: М. Томки, О. Турія. Львів: Видавництво УКУ, 2004.

риальных произведений, многочисленных публикаций в прессе и Интернете. Тем не менее значительная часть источников до сих пор остается неизученной и даже частично недоступной для исследователей. В этой статье мы вводим в научный оборот архивные документы Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины), фонда Совета по делам религий при Совете Министров УССР из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), фонда уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров УССР по Тернопольской и Ивано-Франковской областям, которые хранятся в соответствующих областных государственных архивах (ГАТО и ГАИФО). К сожалению, до сих пор остаются недоступными материалы за 1980-е гг. из фонда уполномоченного по Львовской области (ГАЛО). Это не позволяет полноценно проанализировать процесс легализации УГКЦ, поскольку большинство его событий были связаны с Львовом и Львовской областью. Документы из государственных архивов в большинстве случаев дают фактографический материал о борьбе советской власти с «униатскими пережитками», но среди них встречаются оценочные суждения и пересказы высказываний самих «униатов» об их деятельности и ее мотивации.

Важным источником для анализа проблематики идентичности греко-католиков могут служить свидетельства участников подполья и активистов борьбы за легализацию. Такие свидетельства в форме интервью по инициативе нынешнего епископа УГКЦ Бориса Гудзяка начали записывать работники основанного им во Львове Института истории Церкви (ИИЦ) еще в 1992 году. На данный момент в архиве ИИЦ (АИИЦ) хранится более 2 тыс. интервью, которые позволяют исследовать разные аспекты религиозной жизни греко-католиков.

Фактор власти и борьбы за независимость Украины

В результате репрессивного давления органов советской власти УГКЦ официально прекратила свое существование в Галичине (1946 год) и Закарпатье (1949 год) через «воссоединение» с Русской православной церковью (РПЦ), а все греко-католические епископы, которые пребывали на территории СССР, во главе с митрополитом Иосифом Слипым, были арестованы и позже осуждены на разные сроки заключения. Греко-католическое ду-

ховенство поставили в условия выбора между переходом в контролируемое властью православие и возможностью продолжения служения в своей Церкви, но с неминуемыми репрессиями и запретом «совершения религиозных обрядов». Иерархия, священники и верующие, которые отказались от навязанного советской властью «воссоединения» с РПЦ, никогда не признавали официальной ликвидации УГКЦ. После смерти И. Сталина в 1953 году и относительной либерализации в период «хрущевской оттепели» греко-католики наряду с формированием церковных структур в подполье (епископат, духовенство, сеть нелегальных общин, монастырей и семинарий) начали добиваться легализации своей Церкви, невзирая на негативное отношение советской власти к религии в целом и к «унии» и «униатам» в частности.

Руководители СССР в течение 1960–1980-х гг. продолжали политику «преодоления религиозного мракобесия» и общей атеизации населения. Казалось, что и новый генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев в начале своего правления в 1985 году, провозглашая идею «перестройки» и «гласности», не имел намерения изменять главных оснований отношения к религии своих предшественников и настаивал на продолжении идеологической борьбы с «пережитками капитализма»[4]. Однако уже в 1987 году накануне празднования 1000-летия Крещения Руси партийный лидер СССР в своих выступлениях начал говорить о позитивной роли христианства в формировании древнерусской государственности. Очевидно, не имея возможности противодействовать празднованию юбилея, в частности, в эмигрантской среде на Западе, советское руководство решило взять его под свой контроль и использовать в собственных интересах[5]. Именно в 1987–1988 гг. партийная верхушка начала все чаще отводить Церкви (в первую очередь — РПЦ) одну из главных ролей в поиске новой идеологической основы общества и патриотического воспитания. Однако изменения в религиозной политике советского руководства не касались подпольной УГКЦ.

Невзирая на «горбачевскую перестройку», во второй половине 1980-х гг. Украина оставалась под контролем старой «брež-

4. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Ю. Харченко. Москва: Издательство политической литературы, 1986. С. 194.

5. ЦГАВО (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 4648. Оп. 7. Д. 340. Л. 2–7.

невской» номенклатуры во главе с Владимиром Щербицким. Республиканский партаппарат упрямо блокировал демократические изменения, инициированные Москвой. Со своей стороны, Горбачев не настаивал на введении «плюрализма» и «нового мышления» в УССР ради политической стабильности в одной из крупнейших республик СССР, которая также отличалась высокой насыщенностью религиозных общин[6].

Следует обратить внимание, что дискуссии вокруг 1000-летия совпали с трагическим событием в Украине — аварией на Чернобыльской АЭС (26 апреля 1986 года), которая имела не только физическое, но и духовно-психологическое измерение. Среди населения стали распространяться идеи апокалиптического характера, нарастало недовольство властью, усилились антисоветские настроения[7]. Поэтому изменения в религиозной сфере имели целью, во-первых, укрепить общественно-политический авторитет партийной верхушки как внутри страны, так и за ее пределами. Во-вторых, советские чиновники все чаще и откровеннее признавали неэффективность пропаганды советских атеистических идеалов[8]. Доказательством бесперспективности дальнейшей атеизации населения может служить локальный случай в с. Грушеве на Львовщине в годовщину аварии на ЧАЭС, когда двенадцатилетняя девочка увидела силуэт «черной Мадонны». «Явление Богородицы» или так называемое «Грушевское чудо» привлекло много тысяч паломников, а потом вызвало целую цепь подобных «явлений» в других местах Западной Украины, что связывалось с активизацией «униатского подполья»[9].

Важно отметить, что в середине 1980-х гг. УГКЦ в подполье также переживала внутренние трансформации. Во-первых, постепенно происходила смена поколений греко-католическо-

6. *Грицак Я.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ: Генеза, 2000. С. 297.

7. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995. С. 387.

8. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью, т. 2. / Сост. Г. Штриккер. Москва: «Пропилеи», 1995. С. 216–218.

9. АИИЦ (Архив Института истории Церкви). Ф. 1, Оп. 1, Д. 281. (Интервью с о. Иваном Сеньковым от 13, 14, 25.01. 1994 г.); ГАТО (Государственный архив Тернопольской области). Ф. Р-3241. Оп. 2. Д. 128. Л. 10.

го духовенства. На смену вышколенным в межвоенный период священникам пришли молодые, менее образованные, но более решительные, которые совместно с активными мирянами во второй половине 1980-х гг. составляли «критическую массу» для приобретения свободы собственными силами[10]. Во-вторых, греко-католикам в подполье не удалось преодолеть обрядовых противоречий, которые продолжались еще с 1920–1930-х гг. и даже усилились после решений II Ватиканского собора (декрета *Orientalium Ecclesiarum*), хотя сам собор, согласно исследованию о. Петра Галадзы, непосредственного влияния на жизнь верующих в подполье не имел[11]. Однако требования относительно «очищения обряда» от многочисленных латинских влияний, которые исходили из Рима, от предстоятеля УГКЦ Иосифа Слипого и его местоблюстителя (заместителя) во Львове владыки Владимира Стернюка, частью духовенства воспринимались крайне враждебно (а именно представителями Ордена св. Василия Великого и священниками Ивано-Франковской епархии)[12]. В-третьих, епископам в подполье так и не удалось скоординировать свои действия и выработать общую стратегию и даже преодолеть взаимные разногласия[13]. Очевидно, что внутреннее противостояние не способствовало конструктивной работе в деле легализации Церкви, поскольку могло привести к разочарованию, разделениям и маргинализации УГКЦ.

Провозглашение «перестройки» открыло для греко-католиков новые возможности заявить о своем праве на свободу вероисповедания и публично декларировать свое место в украинском обществе и в Католической церкви. Очевидно, что важной составляющей этой новой идентичности стали отношения УГКЦ с украинским национальным движением и борьбой за независимую Украину.

Следует отметить, что, по мнению большинства украинских исследователей, ликвидация УГКЦ была обусловлена именно

10. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946–1989). С. 143–145.

11. *Ґаладза П.* Сприйняття Другого Ватиканського собору греко-католиками в Україні. С. 388–390.

12. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946–1989). С. 143–145.

13. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451 (Письмо вл. Софрона Дмитерка к патриарху Мирославу Ивану Любачивскому от 30.03.1989 г.).

ее национальным характером и той ролью, которую она исторически играла в западноукраинском обществе[14]. Поэтому дальнейшая борьба с «остатками униатства» классифицировалась партийным руководством как часть «борьбы по искоренению украинского буржуазного национализма». Одновременно следует подчеркнуть, что в условиях политических изменений в СССР к движению за легализацию УГКЦ присоединились активисты из национально-демократических, диссидентских кругов. В конце 1987 года они создали Комитет защиты прав Украинской католической церкви (УКЦ[15]) под руководством бывшего политзаключенного Ивана Геля[16]. Комитет наряду с другими демократическими «неформальными» организациями (например, Общество Льва, Украинская Хельсинкская группа, Товарищество украинского языка им. Т. Шевченко, «Зеленый мир», «Украинский культурологический клуб») в конце 1980-х гг. стал важным звеном оппозиционных советской власти сил в Западной Украине[17]. Характерной чертой Комитета стало его «политическое лицо», поскольку большая половина членов были диссидентами и политзаключенными (в частности, Степан Хмара, Зиновий Красивский, Степания Сичко и Ярослав Лесив, который в конце 1988 года принял священнический сан)[18]. Священники, которые сотрудничали с Комитетом (в частности, рукоположенный в подполье Петр Зеленюх и бывший православный иеромонах, выпускник Ленинградской семинарии Матфей Гаврилив), в глазах представителей органов советской власти были «религиозными экстремистами», которые блокировались с «политиканами».

Впрочем, сугубо религиозные аспекты для лидеров Комитета были очень важными. Иван Гель четко указал на единую цель деятельности организации: добиться легализации УГКЦ, отстаивая «священное право человека» на свободу вероисповеда-

14. *Войналович В.* Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. С. 34.

15. Название «Украинская Католическая Церковь» использовалось на Западе в кругах греко-католиков украинской диаспоры

16. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Т-29 (Интервью с Иваном Гелем от 21.10.2003 г.).

17. Nahaylo B. (1999). *The Ukrainian Resurgence,* pp. 92–93. Toronto-Buffalo: University of Toronto Press; ГА СБУ (Государственный архив Службы безопасности Украины). Ф. 16. Оп. 14. Д. 8. Л. 35.

18. Християнський голос. Збірник пам'яток самвидаву Комітету захисту Української Католицької Церкви/Под ред.: Г. Теодорович. Львів: Видавництво УКУ, 2007. С. 72.

ния. Под понятием «легализация» Комитет понимал в первую очередь:

— признание неправомочности ликвидации УГКЦ в 1946 году;

— наделение Церкви статусом юридического лица;

— возвращение ей всей конфискованной государством собственности, возобновление семинарий и монастырей;

— создание условий для возвращения из «вынужденного изгнания» иерархов УГКЦ[19].

Руководство Церкви предостерегало от сверхмерной политизации движения за свободу вероисповедания и участия в ней духовенства (в частности, архиепископ Владимир Стернюк и епископ Ивано-Франковский Софроний Дмитерко)[20]. Со своей стороны, лидеры Комитета настаивали на политическом измерении «выхода из катакомб», поскольку ликвидация УГКЦ была политическим актом[21]. И. Гель подчеркивал, что «[Комитет] выступает от имени Церкви, но не был создан ею»; он настаивал, что легализация УГКЦ стала одним из важных факторов национально-политической борьбы за украинское государство и что такое объединение придает «особенное наполнение» оппозиционному движению[22]. Несмотря на разные подходы в вопросе форм и методов борьбы за свободу Церкви, цель для всех верующих в катакомбах была одна — легализация Церкви. Возможно, здесь декларировалось разное видение пути достижения свободы: той, которую достигают борьбой, и той, которую дают. Например, один из епископов УГКЦ в подполье, Павел Василик (автор заявления от 4 августа 1987 года, в котором провозгласил о своем «выходе из подполья»), заявлял, что «легализация Церкви начинается с каждого нашего официального богослужения, что мы совершаем»[23]. Иван Гель постоянно говорил не о «легализации Церкви», а скорее о необходимости «самим взять свою Церковь»[24]. С другой стороны, владыка Софроний Дмитерко

19. Там же. С. 93.

20. *Стернюк. В., Гулько Я.* Щоб ніхто не віддав злом на зло // Людина і світ. 1991. № 4. С. 14–19; ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 3330. Л. 87.

21. Християнський голос. С. 590–594.

22. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Т-29 (Интервью с Иваном Гелем от 21.10.2003 г.); *Гель І.* «Богдан Котик був дуже мудрою людиною...» // «Катакомбна Церква»: статті і матеріали/Под ред.: Я. Дашкевич. Львів: «Логос», 2009. С. 91.

23. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 455 (Интервью с вл. Павлом Василиком от 22.10.1996 г.).

24. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 443. Л. 8–10.

еще в конце 1987 года во время «разговора» с представителями местной власти предлагал им легализировать УГКЦ, поскольку это, во-первых, подтвердит демократический курс советского руководства и, во-вторых, лишит антисоветские силы на Западе одного из главных аргументов[25].

Следует сказать, что Комитет проводил весьма эффективную борьбу с советской властью, используя множество политических инструментов влияния: «открытые богослужения» и демонстрации в городах и селах Западной Украины; голодовки на Арбате в Москве в течение мая — ноября 1989 года; сбор подписей за легализацию Церкви; «информационная война» благодаря контактам с представителями западных масс-медиа, дипломатами, политиками, церковными деятелями; самиздатный периодический журнал «Христианский голос».

Такие формы борьбы помогали не только мобилизовать верующих, но и наглядно демонстрировать советской власти отношение населения к религиозным вопросам. Кроме этого, политические митинги часто сопровождались религиозно-церковной риторикой активных мирян и среди программ неформальных политических организаций появились требования о необходимости возрождения Украинских Церквей — Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) и УГКЦ[26]. Таким образом, можно говорить о смене подходов в вопросе легализации: от стремления подпольного духовенства дистанцироваться от политики до политизации греко-католической общественности, которая, по мнению партийного руководства, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. стала важным «козырем» в руках демократического блока в противостоянии с коммунистами.

Со своей стороны, власти продолжали утверждать о невозможности легализации УГКЦ. Так, М. Колесник в аналитической записке от 15 января 1988 года для делегации УССР на 44 сессию Комиссии ООН по правам человека (Женева, январь — март 1988 года) утверждал, что признание «униатской или украинской католической церкви» и регистрация общин с таким названием нежелательны по нескольким причинам[27].

25. ГАИФО (Государственный архив Ивано-Франковской области). Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 5311. Л. 34.

26. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 21–25.

27. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 400. Л. 6–7.

Во-первых, это было невозможно с исторической точки зрения: упоминались «антинародная сущность» УКЦ, «разжигание ненависти к братским народам», «сотрудничество с фашистами и украинскими буржуазными националистами», «борьба против социалистического строя» и т. п.

Вопрос исторической идентификации греко-католического сообщества встал весьма остро, что отражалось в одновременном существовании разных названий. В диаспоре начали использовать название «Украинская католическая церковь»; советская пропаганда называла ее «униатской»; сами греко-католики говорили о УГКЦ; в официальной документации они назывались «католиками восточного обряда». Так, например, журналист «Прикарпатской правды» (тогда еще орган Ивано-Франковского обкома Компартии) в начале 1990 года в интервью с владыкой Павлом Василиком просил разъяснить, кто такие греко-католики — это последователи ликвидированной в 1946 году Церкви, какой-то «новодел» или все-таки католики, но «восточного обряда». Владыка в своем ответе очертил основы УГКЦ: «Владимирово крещение» 988 года как ее начало; Брестская уния 1596 года как подтверждение сопричастности с Апостольским престолом; связь с ликвидированной в 1946 году и репрессированной Церковью[28]. Эта риторика противоречила советской пропаганде (а также нападкам со стороны РПЦ) о создании УГКЦ в 1596 году в результате иезуитской интриги с целью ополяченья украинского народа, поэтому «Львовский собор 1946 года» стал заключительным актом в борьбе народа против «угнетателей и предателей», остатки которых доживают в СССР, а другая часть на Западе служит «мировому империализму».

Во-вторых, по мнению М. Колесника, в социалистическом обществе не может быть легализована организация, членство в которой обеспечивается для лиц только одной национальности, что противоречит советской Конституции, основанной на идее о сближении наций и народов, запрету «предпочтений гражданам по национальному и расовому признаку» (ст. 36, Конституция СССР), а также законодательным актам относительно регистрации религиозных объединений[29]. В этом же направлении шли

28. «Люди любіть один одного...» Інтерв'ю з владикою Павлом Василиком // Прикарпатська правда. 1990. 2 лютого. С. 1, 4.

29. *Белякова Н.* Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 126, 128.

обвинения в русофобии, ненависти к другим нациям (как противопоставление советской политике интернационализма) и другим церквам (имелась в виду РПЦ)[30]. В частности, в 1989 году иерархи РПЦ, требуя от власти решительных действий в преодолении «униатской проблемы», ссылались на опасность не только религиозного конфликта, но и национального, что в контексте взрывоопасной ситуации в целом СССР, по их мысли, должно было стать аргументом для решительных действий со стороны руководства страны[31].

В-третьих, сама идея УГКЦ, по мнению партийных чиновников, противоречила структуре Католической церкви в мире, в которой нет «национальных» церквей, и потому существование «униатов» в Украине — это уступка украинскому буржуазному национализму. Соответственно, проблема «надумана» и может быть решена «самой жизнью» благодаря отходу «униатов» в две существующие Церкви в СССР — РПЦ и Римско-католическую церковь (РКЦ).

Кроме того, на вооружении чиновников был аргумент о «невмешательстве во внутренние церковные дела», поскольку решение этой проблемы принадлежало к сфере межцерковных взаимоотношений: греко-католики «добровольно» соединились с РПЦ, поэтому государство не должно было иметь никакого отношения к возобновлению УГКЦ[32].

Однако уже в 1989 году власти стали склоняться к конструктивному решению проблемы легализации УГКЦ. Об этом свидетельствует известный документ одного из сотрудников МВД УССР А. Меркулова «О негативных последствиях сложившейся вокруг УКЦ ситуации». Чиновник настаивал, что непризнание УГКЦ все более негативно влияет на имидж УССР и СССР, а продолжительное затягивание подрывает авторитет советской политики на Западе[33]. Сам М. Горбачев призывал к поиску диалога с идейными оппонентами (28 сентября 1989 года)[34].

30. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 5.

31. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 441. Л. 71–74.

32. Короткі вісті // Вісті з Риму. 1988. № 12. С. 6.

33. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 7.

34. *Єленський В.* Релігія після комунізму: релігійно-соціальні зміни в процесі трансформації центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. Київ: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2002. С. 79; *Пащенко В.* Греко-католики в Україні (від 40-х років XX століття до наших днів). С. 480.

Партийно-государственная верхушка УССР все же оставалась на старых позициях и одновременно выступала против легализации УГКЦ, говоря, что отказ ее регистрировать — это не ограничения или запрет для верующих, а недопущение использовать религию в антисоциалистических, националистических целях, что религиозный сепаратизм приведет к политическому[35]. Тот же М. Колесник 20 августа 1989 года, говоря об изменении в церковно-государственных взаимоотношениях, отрицал возможность возрождения УГКЦ, очертив деятельность ее лидеров как политическую и антиконституционную, которая становится причиной вражды и противостояния в обществе. По его мнению, требования греко-католиков о возвращении храмов в Западной Украине (и в конце концов использование ими силовых методов и захват культовых зданий), которые в результате «Львовского собора 1946 года» стали православными, не имеют никаких юридических оснований, поскольку ими владеют на данное время преемники строителей. Другой причиной отказа в регистрации стало привлечение греко-католических лидеров в антисоветскую политическую борьбу. Так, согласно Колеснику, отдельные священники (Петро Зеленюх, Михаил Волошин. Матфей Гаврилив, Ярослав Лесив, братья Симкайлы) организовывали и принимали участие в богослужениях на могилах националистов, тем самым поддерживая силы, выступавшие за «независимую и соборную Украину», что противоречит не только Конституции, но и воли украинского народа. Также М. Колесник обвинил греко-католических лидеров в фальсификации, вранье, распространении русофобских настроений[36].

Однако уже в 1989 году отдельные представители партийного чиновничества стали искать компромисс. Так, во Львове глава горисполкома Б. Котик и первый секретарь Львовского горкома Компартии В. Волков в конце августа 1989 года написали письмо во Львовский обком и облисполком с предложением создать специальную комиссию в составе депутатов СССР, УССР, представителей местных властей, историков, юристов и теологов для изучения проблемы легализации УГКЦ. По замыслу львовских руководителей, комиссия должна была разработать рекомендации и выйти с предложениями в ЦК и Президиум Верховно-

35. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 6.

36. Перестройка и свобода совести: преодолены ли стереотипы // Рабочая газета. 1989. 20 августа. С. 3–4.

го Совета относительно легализации УГКЦ[37]. По свидетельству И. Геля, Б. Котик еще с начала 1989 года оказывал активное содействие развитию движения за легализацию УГКЦ, сообщая конфиденциальную информацию о мерах власти против его активистов[38]. Также он не запретил проведение молитвенного шествия 17 сентября 1989 года во Львове (при участие более 100 тыс. верующих), которое засвидетельствовало поддержку населения, за что был обвинен в «беспринципной позиции» и «двурушничестве»[39]. Уже в конце 1989 года накануне выборов в городской совет представители Компартии Тернопольской области, ощущая сильное давление политических оппонентов, утверждали, что согласно законодательству греко-католики имеют право на свободу вероисповедания[40].

Фактор Ватикана

Другим важным фактором движения за легализацию стал вопрос единства греко-католиков с Апостольским Престолом и Западом, что, по мнению С. Плохия, стало одним из важных обстоятельств их ликвидации в 1940-х гг.[41] Вопреки всем стараниям советской власти греко-католики в Украине в течение четырех десятилетий не потеряли связь с украинцами в диаспоре и Католической церковью. В 1980-х гг. пропаганда обосновала запрет на регистрацию общин УГКЦ, ссылаясь на взаимоотношения с «империалистами» на Западе, обвиняя в контактах с представителями «украинского буржуазного национализма», «клерикальных кругов» и другими «антисоветчиками». Однако связь «униатов» с Западом угрожала партийной верхушке потерей международного авторитета в контексте движения за права человека (особенно после подписания Л. Брежневым 1 августа 1975 года Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Евро-

37. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 442. Л. 137.

38. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Т-29 (Интервью с Иваном Гелем от 21.10.2003 г.); Собор Св. Юра. 22 січня 1989 року. Документи і спогади / Сост. І. Калинець. Львів: Видавництво «Друкарські куншти», 2011. С. 121.

39. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2872. Л. 92.

40. ГАТО (Государственный архив Тернопольской области). Ф. П-1. Оп. 39. Д. 27. Л. 2–3.

41. Plokhy, S. (1994) «In the Shadow of Yalta: International Politics and the Soviet Liquidation of the Greco-Catholic Church», *Logos* 33 (1-4): 60.

пе) и празднования 1000-летия Крещения Руси[42]. Западные политики и деятели все чаще начали прислушиваться к «голосам» верующих, находящихся за «железным занавесом». Советские эксперты отметили, что во второй половине 1980-х гг. «украинский вопрос» (в том числе «униатская проблема») стал «потенциальным источником культурной и политической оппозиции в СССР»[43] и, в частности, президент США Р. Рейган рассматривал его как часть «психологической войны» с СССР[44].

Особенной поддержкой греко-католики пользовались со стороны папы Иоанна Павла II, который назвал приоритетом своего понтификата «объединение Европы на христианских принципах», в чем советские идеологи увидели стремление Папы уничтожить коммунизм и распространить католицизм в СССР[45].

Очевидно, связи подпольных греко-католиков с Западом классифицировались представителями советских органов власти как общественно опасные. Поэтому кроме пути полной ликвидации греко-католикам предлагали «конструктивное решение» проблемы УГКЦ при условии разрыва с Ватиканом и главой УГКЦ на Западе Иосифом Слипым (умер в 1984 году) и его заместителем Мирославом Иваном Любачивским. В 1970 — начале 1980-х гг. поступали предложения легализировать УГКЦ как Римско-католическую церковь византийского обряда с юрисдикционным подчинением епископу в Прибалтике[46]. В конце 1980-х гг. в партийных документах появились упоминания о возможности легализировать УГКЦ как автономную структуру, которая была бы лояльной к руководству СССР и разорвала бы связи с Ватиканом и диаспорой[47]. Однако такие идеи не находили поддержки среди греко-католического духовенства.

В конце 1980-х гг. аргумент о сотрудничестве с Западом постепенно нивелировался, поскольку само руководство СССР все чаще искало контакты с лидерами западных государств, в частности с Иоанном Павлом II. Так, к примеру, велись активные

42. *Недужко Ю.* Боротьба української діаспори за релігійну свободу в Україні (друга половина 70-х — 80-ті рр. XX ст.) // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (збірник наукових статтей). К.: Ін-т історії України НАН України, 2008. Вип. 35. С. 270–271.

43. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 399. Л. 26.

44. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2720. Л. 88.

45. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 399. Л. 26; цдагоу. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2546. Л. 7–10.

46. *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946–1989). С. 149.

47. ГАЛО (Государственный архив Львовской области). Ф. 3. Оп. 62. Д. 370. Л. 102.

разговоры о возможности приезда папы Римского на празднование 1000-летия Крещения Руси в СССР[48], в заглавиях газет появились позитивные публикации и отзывы, был назначен апостольский администратор для римо-католиков в Белоруссии[49]. Поэтому запланированный визит М. Горбачева в Италию в конце 1989 года и встреча с главой Ватикана, который неоднократно выступал в защиту прав репрессированной Церкви, был воспринят греко-католиками как решающий для судьбы их Церкви. Так подпольный архиепископ Владимир Стернюк в интервью корреспонденту американской газеты *New York Times* заявил, что «мы можем быть поставлены вне закона, однако... у нас есть основание для надежд. Ватикан пользуется моральным авторитетом во всем мире, а Горбачев хочет иметь поддержку этого большого морального авторитета»[50]. Например, владыка Софроний Дмитерко просил уполномоченного Совета по делам религий М. Деревянко (Ивано-Франковск) возвратить бывшую церковь и монастырь, ссылаясь на упомянутую встречу[51]. Поэтому логическим завершением подготовки к визиту стало Заявление Совета по делам религий при Совете Министров УССР от 20 ноября 1989 года. Однако еще более недели его не публиковали, и только накануне встречи М. Горбачева с Иоанном Павлом II текст документа появился на страницах местной прессы: 29 ноября в ивано-франковской газете «Прикарпатська правда», 30 ноября — во львовской «Вільна Україна» и 1 декабря — в тернопольской «Вільне життя», однако не на первых страницах газет, а как небольшие заметки. Заметным стал факт отказа закарпатского партийного официоза «Закарпатська правда» печатать сообщения о разрешении на регистрацию греко-католических общин[52].

Согласно Заявлению, греко-католики получили право на создание и регистрацию общин, пользуясь «всеми правами, установленными законом для религиозных объединений в УССР». Тем не менее, с другой стороны, власть требовала от греко-католи-

48. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 399. Л. 34.

49. Католический епископ в Белоруссии // Известия. 1989. 11 ноября. С. 4.

50. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 443. Л. 9.

51. ГАИФО. Ф. Р-388. Оп. 2. Д. 216. Л. 150–151.

52. *Кочан Н.* Брестская уния и Украинская Католическая Церковь в экуменической перспективе // Логос. Религиозно-общественный экуменический журнал / Под ред. М. Смирнова, Г. Аввакумова и др. Брюссель–Москва–Мюнхен, 1995. № 50. С. 46.

ков возвратить «все культовые сооружения, захваченные верующими в обход закона», чтобы после этого рассматривать передачу церковной собственности «спокойно и взвешенно, на законных основаниях»[53].

В целом можно утверждать, что фактор Ватикана в конце 1980-х гг. стал одним из решающих в возрождении УГКЦ.

Движение за легализацию УГКЦ выделило еще одну проблему: сложные взаимоотношения между Католической и Православной церквами, которые имели исторические, догматические и канонические корни.

Межконфессиональный фактор

Для укрепления своих позиций в Западной Украине советская власть использовала силы РПЦ. Так, в конце 1950-х гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ во Львовской области Н. Вышневский сравнил противостояние «униатства» и православия с борьбой украинских националистов с советской властью[54]. В середине 1980-х гг. Западная Украина оставалась «форпостом православия» в Украине и СССР (по состоянию на 1 января 1988 года, в Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и Закарпатской областях официально действовала 2141 религиозная община, что составляло 38% от общей численности общин в Украине (5689). В частности, из 6794 приходов РПЦ в Советском Союзе в УССР была зарегистрирована 3971 община, в Западной Украине — 1823)[55]. При этом в регионе в жизни православных общин важную роль продолжали играть греко-католические традиции и обряды. В частности, руководитель идеологического отдела при ЦК Компартии УССР Л. Кравчук укорял православный епископат и духовенство региона за «вялую» борьбу с «униатскими обрядами» в храмах РПЦ. По его убеждению, Православная церковь на Западной Украине стала пристанищем для многих «униатских элементов», которые получили возможность обучаться в православных семинариях и затем служить в епархиях в регионе, попадая под влияние той части населения, которая считает

53. З дотриманням законності. Заява Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР // Вільна Україна. 1989. 30 листопада. С. 3.

54. ГАЛО. Ф. Р-133. Оп. 2. Д. 25. Л. 34–35.

55. *Єленський В.* Релігія після комунізму: релігійно-соціальні зміни в процесі трансформації центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. С. 53.

«униатский обряд» частью национальной идентичности. С другой стороны, в 1980-х гг. в православной среде Западной Украины большинством среди священнослужителей были вышколенные в православных семинариях священники (например, в Ивано-Франковской области на 1 января 1990 года примерно половина священников по возрасту были не старше 40 лет[56]) и верующие, воспитанные в условиях советской власти, что не могло сказаться на «забвении» традиции и постепенной маргинализации греко-католической общности.

Особенная роль в 1988–1989 гг. в западном регионе Украины была отведена РПЦ, которая, по замыслу Компартии, должна была стать сдерживающим элементом для борьбы с верующими за «свою Церковь»[57]. Поэтому по инициативе органов власти в четырех областях в течение 1988–1989 гг. было зарегистрировано более 1300 религиозных объединений РПЦ, при этом предпочтение отдавалось тем населенным пунктам, где активно действовали «униаты»[58]. Иерархи РПЦ негативно относились к движению по легализации УГКЦ, отстаивая тезис «о историческом крахе унии»[59]. С другой стороны, с оглядки на события в Западной Украине руководство РПЦ апеллировало к папе Римскому, предлагая уже упоминавшееся решение: верующие, преданные унии с Римом, должны были присоединиться к РКЦ, а те, которые дорожили восточным обрядом, остаться в РПЦ[60]. Папа не принял этой формулы, но предложил собственный вариант: УГКЦ должна получить легальный статус, а практические (то есть имущественные) моменты решали бы советское правительство, Московская патриархия и Ватикан в «тесном экуменическом диалоге»[61]. Очевидно, в этой «формуле» не учитывался определяющий для тех лет национальный аспект религиозно-церковной проблематики, что может означать нереалистичную или ошибочную оценку событий в Западной Украине

56. ГАИФО. Ф. Р-388. Оп. 2. Д. 218. Л. 15.

57. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 3330. Л. 20.

58. Українська Пресова Служба. 1989. № 2. С. 7–8; ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 45.

59. *Денисенко Ф.* Благословляючи єднання народів // Православний Вісник. 1989. № 9. С. 20–22; *Денисенко Ф.* За єдності могутність Вітчизни // Православний Вісник. 1989. № 12. С. 28–29.

60. Bociurkiw, B. (1991). «Ukrainski Kościół katolicki w ZSSR za Gorbaczowa», *Więź* 11–12 (397-398): 163.

61. *ВайгельДж.* Свідок надії: Життєпис Папи Івана Павла II / Пер. з англ. Р. Скакуна. Львів: Видавництво УКУ, 2012. С. 687.

руководством РПЦ, либо нежелание решать проблему «своими силами».

Несмотря на поддержку властей в открытии новых приходов и «украинизации» церковной жизни (введение украинского языка в богослужение и церковные издания[62]), Московская патриархия в течение 1988–1989 гг. все более теряла свой авторитет и влияние на верующих в регионе. Об этом свидетельствует популярность в среде верующего населения идей о возрождении не только УГКЦ, но и независимой Православной церкви в Украине как одного из возможных вариантов разрешения сложной церковно-религиозной ситуации[63]. Именно в этом контексте руководство РПЦ пошло на весомый канонический шаг, наделив Украинский экзархат статусом самоуправления и новым названием — Украинская православная церковь (УПЦ).

Возрождение УГКЦ и возобновление структур УАПЦ нанесли существенный удар по позициям РПЦ в Галиции. Ее иерархи желали изменить ситуацию не только путем внутренних трансформаций, но надеялись на переговоры с Ватиканом и вмешательство со стороны власти.

Переговоры с Ватиканом прошли в январе 1990 года в Москве и марте 1990 года в Киеве и Львове. Хотя и было подписано соглашение и разработан определенный механизм разрешения конфликтных ситуаций (которые касались, как правило, владения культовыми зданиями), однако в связи с твердой позицией греко-католической стороны относительно главного условия каких-либо переговоров — признания недействительным «Львовского собора 1946 года», окончательных договоренностей не удалось достичь[64]. Такая позиция греко-католиков указывала на некоторое критическое осмысление так называемой «Восточной политики» Апостольского Престола, что было характерным для украинской диаспоры, особенно для последователей «движения за патриархат»[65].

62. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2659. Л. 17.

63. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 443. Л. 57–61.

64. Заява єпископату Української Греко-Католицької Церкви в Україні в справі переговорів Чотиристороннього комісії про відносини між греко-католиками і православними від 17.03.1990 // Ленінська молодь. 1990. 22 березня. С. 4.

65. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 635 (Письмо И. Гречка к архм. Любомиру Гузару от 06.09.1989 г.); Матеріяли до історії українського патріярхального руху/Сост.: А. Сороковський. Львів: Свічадо, 2009. С. 19–74).

Уже с середины 1989 года, когда РПЦ стала заложником власти в борьбе с движением за легализацию УГКЦ в галицком регионе, неоднократно иерархи при активизации греко-католиков апеллировали к представителям власти разных уровней с требованиями «решить», «успокоить» и даже «применить силу» относительно «униатов», предупреждая о возможном гражданском конфликте и кровопролитии[66]. Сотрудничество РПЦ с советской властью в конце 1980-х — начале 1990-х гг. имело противоположные последствия. Помощь государства была необходима при возобновлении церковной инфраструктуры, правда, в этом крылась опасность разделить ответственность за «грехи» минувших десятилетий в контексте «развенчания» советских преступлений. Руководство СССР в конце 1980-х гг. воспринимало Московскую патриархию как «союзника» в вопросе сохранения советской системы[67]. Такое распределение сил объясняет, почему подход представителей РПЦ в Западной Украине относительно национального вопроса был созвучен советской политике интернационализма, в противовес «националистам» из УГКЦ[68].

В марте 1990 года состоялись выборы депутатов, на которых в органы местной власти в регионе победили представители «Народного Руха Украины» (НРУ)[69]. Новоизбранные депутаты проявили благосклонность не только к УГКЦ, но и к УАПЦ, поскольку обе Церкви стояли на позициях украинства, национального возрождения и оппозиции советскому режиму. В той ситуации «чужой» оказалась УПЦ, которая потеряла поддержку властных инстанций по крайней мере в трех областях.

Национальный вопрос оказался одним из решающих в религиозно-церковной среде, поскольку именно он обусловливал возрождение идеи об автокефалии украинского православия. Интересно, что в Западной Украине именно УАПЦ стала главной соперницей УГКЦ в борьбе за статус «национальной» и «своей» Церкви, апеллируя к популярному лозунгу «ни с Москвой, ни с Римом». В своем обращении к управе НРУ руководство УАПЦ провозгласило «православную веру идеологией укра-

66. ЦГАВО. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 442. Л. 35.

67. ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2771. Л. 55–58.

68. Там же.

69. *Марчук В.* Розбудова організаційних структур Української Греко-Католицької Церкви в незалежній Україні // Галичина. 2001. № 7. С. 107.

инской государственности», что, по их мнению, ни в коем случае нельзя сказать о католичестве. Оно обвинило католиков и Ватикан в содействии польским устремлениям возвратить свои бывшие земли[70]. Такая пропаганда выглядела довольно странно, поскольку именно в начале 1990-х гг. заострилось противостояние между украинскими греко-католиками и польскими римо-католиками. По словам О. Турия, это стало «реинкарнацией» межнационального противостояния первой половины XX века[71] и скорее было «стратегической конкуренцией» двух местных Церквей с разными обрядовыми традициями[72].

Выводы

УГКЦ, пережив несколько десятилетий преследований и запретов, в конце 1980-х гг. получила реальный шанс добиться легализации. Анализируя этот процесс, необходимо учесть взаимоотношения греко-католиков с представителями государственных органов власти разных уровней, политическими организациями и движениями, другими Церквями, которые повлияли на процесс легализации и сыграли значительную роль в самоидентификации представителей УГКЦ.

Во-первых, представители УГКЦ сумели стать важной частью национально-политического движения, оппозиционного верхушке Компартии. Таким образом, можно констатировать, что народная религиозность, а с ней и УГКЦ, стали «топливом» для украинской «бархатной» революции 1989–1991 гг. Народ, прежде выдвижения политических лозунгов, начал говорить о религиозных проблемах[73]. Основная масса населения Западной Украины понимала борьбу за «свое» государство и «свою» культуру во взаимосвязи со «своей» Церковью, которой была именно УГКЦ.

70. Звернення Крайовій раді Руху, депутатам Верховної Ради СРСР, кандидатам Верховної ради УРСР від Єпархіальної церковної ради УАПЦ (29.12.1989 р.) // Віче. 1990. № 16. С. 2.

71. Віра після атеїзму: релігійне життя в Україні в період демократичних перетворень і державної незалежності/Под ред.: М. Томки, О. Турія. Львів: Видавництво УКУ, 2004. С. 42.

72. АИИЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 374 (Интервью с о. Владиславом Керницким от 11.05.1994 г.).

73. *Маринович М.* Українська ідея і християнство або коли гарцюють кольорові коні апокаліпсису. Львів: Видавництво УКУ, 2010. С. 296–297.

Во-вторых, активисты подполья и движения за легализацию продолжали однозначно декларировать верность Католической церкви и папе Римскому, который стал одним из главных участников кампании за возрождение УГКЦ. Однако уже в контексте споров с православными церквами принадлежность к «религиозному центру вне Украины» стала аргументом против эксклюзивного статуса «своей Церкви» в Западной Украине.

В-третьих, процесс легализации УГКЦ шел не только в плоскости отношений с государством, но и в контексте взаимоотношений с другими церквами, которые присутствовали в регионе — РПЦ, УАПЦ и РКЦ. Очевидно, что противостояние между Церквями в регионе отражало разную самоидентификацию верующих, которые искали ответ на вопрос «кто мы» в плоскости национального и политического мировоззрения, патриотизма и конфессиональной принадлежности.

Перевод с украинского Анны Вишиванюк

Библиография/References

Архивные материалы

Архив Института истории Церкви (АИИЦ).

Ф. 1 Персоналии.

Государственный архив Службы безопасности Украины (ГА СБУ).

Ф. 16 Название фонда засекречено.

Государственный архив Ивано-Франковской области (ГАИФО).

Ф. 1-П Ивано-Франковский областной комитет Коммунистической партии Украины.

Ф. Р-388 Уполномоченный совета по делам религий при Совете Министров УССР по Ивано-Франковской области.

Государственный архив Львовской области (ГАЛО).

Ф. 3 Львовский областной комитет Коммунистической партии Украины.

Ф. Р-133 Уполномоченный совета по делам религий при Совете Министров УССР по Львовской области.

Государственный архив Тернопольской области (ГАТО).

Ф. П-1 Тернопольский областной комитет Коммунистической партии Украины.

Ф. Р-3241 Уполномоченный совета по делам религий при Совете Министров УССР по Тернопольской области.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО).

Ф. 4648 Совет по делам религий при Министерстве по делам миграции и национальностей Украины и их предшественники.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО).

Ф. 1 Центральный комитет Коммунистической партии Украины.

Литература

Белякова Н. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. № 4. С. 124–130.

Боцюрків Б. Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946–1989) // Ковчег. Збірник статей з церковної історії. Львів, 1993. № 1. С. 123–164.

Вайгель Дж. Свідок надії: Життєпис Папи Івана Павла II / Пер. з англ. Р. Скакуна. Львів: Видавництво УКУ, 2012.

Віра після атеїзму: релігійне життя в Україні в період демократичних перетворень і державної незалежності / Под ред. М. Томки, О. Турія. Львів: Видавництво УКУ, 2004.

Войналович В. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. Київ: Світогляд, 2005.

Гель І. «Богдан Котик був дуже мудрою людиною...» // «Катакомбна Церква»: статті і матеріали / Под ред.: Я. Дашкевич. Львів: «Логос», 2009. С. 90–95.

Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX століття. Київ: Генеза, 2000.

Гуркіна С., Турій О. Історична доля Української Грек-Католицької Церкви після Другої світової війни: «добровільне возз'єднання» — «державна ліквідація» — «конфесійний прозелітизм» // Наукові записки Ужгородського університету. Серія: історично-релігійні студії. Ужгород, 2013. Вып. 2. С. 40–72.

Ґаладза П. Сприйняття Другого Ватиканського собору греко-католиками в Україні // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів: Видавництво УКУ, 2001. Ч. 3. С. 377–400.

Ґудзяк Б. Релігійне життя в Україні у перші п'ять років незалежності // Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Львів: Видавництво УКУ, 2000. Ч. 2. С. 165–185.

Денисенко Ф. Благословляючи єднання народів // Православний Вісник. 1989. № 9. С. 20–22.

Денисенко Ф. За єдності могутність Вітчизни // Православний Вісник. 1989. № 12. С. 28–29.

Єленський В. Релігія після комунізму: релігійно-соціальні зміни в процесі трансформації центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. Київ: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2002.

З дотриманням законності. Заява Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР // Вільна Україна. 1989. 30 листопада. С. 3.

Заява єпископату Української Греко-Католицької Церкви в Україні в справі переговорів Чотиристоронньої комісії про відносини між греко-католиками і православними від 17.03.1990 // Ленінська молодь. 1990. 22 березня. С. 4.

Звернення Крайовій раді Руху, депутатам Верховної Ради СРСР, кандидатам Верховної ради УРСР від Єпархіальної церковної ради УАПЦ (29.12.1989 р.) // Віче. 1990. № 16. С. 2.

Католический епископ в Белоруссии // Известия. 1989. 11 ноября. С. 4.

Короткі вісті // Вісті з Риму. 1988. № 12. С. 6.

Кочан Н. Брестская уния и Украинская Католическая Церковь в экуменической перспективе // Логос. Религиозно-общественный экуменический журнал / Под ред.

М. Смирнова, Г. Аввакумова и др. Брюссель-Москва-Мюнхен, 1995. № 50. С. 26–57.

Інтерв'ю з владикою Павлом Василиком // Прикарпатська правда. 1990. 2 лютого.

Маринович М. Українська ідея і християнство або коли гарцюють кольорові коні апокаліпсису. Львів: Видавництво УКУ, 2010.

Марчук В. Розбудова організаційних структур Української Греко-Католицької Церкви в незалежній Україні // Галичина. 2001. № 7. С. 107–115.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза/Под ред. Ю. Харченко. Москва: Издательство политической литературы, 1986.

Матеріяли до історії українського патріярхального руху/Сост.: А. Сороковський. Львів: Свічадо, 2009.

Недужко Ю. Боротьба української діаспори за релігійну свободу в Україні (друга половина 70-х — 80-ті рр. XX ст.) // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (збірник наукових статтей). К.: Ін-т історії України НАН України, 2008. Вип. 35. С. 264–287.

Пащенко В. Греко-католики в Україні (від 40-х років XX століття до наших днів). Полтава, 2002.

Перестройка и свобода совести: преодолены ли стереотипы // Рабочая газета. 1989. 20 августа. С. 3–4.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. Москва: Республика, 1995.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью, т. 2./Сост. Г. Штриккер. Москва: «Пропилеи», 1995.

Собор Св. Юра. 22 січня 1989 року. Документи і спогади/Сост. І. Калинець. Львів: Видавництво «Друкарські куншти», 2011.

Стернюк. В., Гулько Я. Щоб ніхто не віддав злом на зло // Людина і світ. 1991. № 4. С. 14–21.

Стоцький Я. Держава і релігії в Західних областях України: конфесійні трансформації в контексті державної політики 1944–1964 років. Київ: ФАДА, ЛТД, 2008.

Українська Пресова Служба. 1989. № 2. С. 7–8.

Християнський голос. Збірник пам'яток самвидаву Комітету захисту Української Католицької Церкви/Под ред.: Г. Теодорович. Львів: Видавництво УКУ, 2007.

Що відбудеться 17 вересня?/Ленінська молодь. 1989. 16 вересня. С. 1.

Beliakova, N. (2008) «Vlast' i religioznye ob'edineniia v 'pozdnem' SSSR: problema registratsii» [Authority and religious associations in the „late" USSR: problem of registration], *Otechestvennaia istoriia* 4: 124–130.

Bocjurkiv, B. (1993) «Ukrai'ns'ka Greko-Katolyc'ka Cerkva v katakombah (1946-1989)» [The Ukrainian Greek Catholic Church in catacombs (1946-1989)], *Kovcheg. Zbirnyk statej z cerkovnoi' istorii'*, vol. 1, pp. 123–164. L'viv.

Bociurkiw, B. (1991). «Ukrainski Kościół katolicki w ZSSR za Gorbaczowa», *Więź* 11–12 (397-398): 150–171.

Denysenko, F. (1989) «Blagoslovljajuchy jednannja narodiv» [Blessing the people union], *Pravoslavnyj Visnyk* 9: 20–22.

Denysenko, F. (1989) «Za jednosti mogutnist' Vitchyzny» [The united power of the Fatherland], *Pravoslavnyj Visnyk* 12: 28–29.

G'aladza, P. (2001) «Spryjnjattja Drugogo Vatykans'kogo soboru greko-katolykamy v Ukrai'ni» [The perception of Vatican II by the Greek Catholics in Ukraine]. *Kovcheg. Naukovyj zbirnyk iz cerkovnoi' istorii'*, vol. 3, pp. 377–400. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Gel', I. (2009)»Bogdan Kotyk buv duzhe mudroju ljudynoju...» [Bohdan Kotyk was a very wise person], in Ja. Dashkevych (ed.) *«Katakombna Cerkva»: statti i materialy*, pp. 90–95. L'viv: «Logos».

Grycak, Ja. (2000) *Narys istorii' Ukrai'ny: formuvannja modernoi' ukrai'ns'koi' nacii'* XIX–XX *stolittja* [The essay on the history of Ukraine: the formation of the modern Ukrainian nation in the 19th–20th centuries]. Kyi'v: Geneza.

G'udzjak, B. (2000) «Religijne zhyttja v Ukrai'ni u pershi p'jat' rokiv nezalezhnosti» [Religious life in Ukraine in the first five years of independence]. *Kovcheg. Naukovyj zbirnyk iz cerkovnoi' istorii'*, vol. 2, pp. 165–185. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Gurkina, S. et Turij, O. (2013) «Istorychna dolja Ukrai'ns'koi' Grek-Katolyc'koi' Cerkvy pislja Drugoi' svitovoi' vijny: 'dobrovil'ne vozz'jednannja' — 'derzhavna likvidacija' — 'konfesijnyj prozelityzm'" [The historical fate of the Ukrainian Greek Catholic Church after World War II: «voluntary reunification» — «state liquidation» — «confessional proselytism»] *Naukovi zapysky Uzhgorods'kogo universytetu. Serija: istorychno-religijni studii'*. Uzhgorod. 2: 40–72.

«Interv'ju z vladykoju Pavlom Vasylykom» [Interview with bishop Pavlo Vasylyk], *Prykarpats'ka pravda*. 2.02.1990: 1,4.

Jelens'kyj, V. (2002) *Religija pislja komunizmu: religijno-social'ni zminy v procesi transformacii' central'no- i shidnojevropejs'kyh suspil'stv: fokus na Ukrai'ni* [Religion after communism: the religious and social changes in the process of transformation in Central and Eastern Europe: focus on Ukraine]. Kyi'v: NPU im. M. P. Dragomanova.

Kalynec', I. (ed.) (2011) *Sobor Sv. Jura. 22 sichnja 1989 roku. Dokumenty i spogady* [St. George's Cathedral. 22-d January 1989. Documents and memoirs.]. L'viv: Vydavnyctvo «Drukars'ki kunshty».

«Katolicheskii episkop v Belorussii» [The Catholic bishop in Belarus], *Izvestiia*. 11.11.1989: 4.

Kharchenko, Iu. (ed.) (1986) *Materialy* XXVII *s'ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza* [The Materials of the XXVII congress of Communist party of the Soviet Union]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Kochan, N. (1995) «Brestkaia uniia i Ukrainskaia Katolicheskaia Tserkov' v ekumenicheskoi perspective» [The Brest union and Ukrainian Catholic Church in the ecumenical perspective], in Avvakumov, G. et Smirnova, M. i dr. (ed.) *Logos. Religiozno-obshchestvennyi ekumenicheskii zhurnal,* vol. 50, pp. 26–57. Briussel' — Moskva-Miunkhen.

«Korotki visti» (1988) [Short news], *Visti z Rymu* 12: 6.

Marchuk, V. (2001) «Rozbudova organizacijnyh struktur Ukrai'ns'koi' Greko-Katolyc'koi' Cerkvy v nezalezhnij Ukrai'ni» [Reestablishment of the organizational structures of the Ukrainian Greek Catholic Church in the independent Ukraine], *Galychyna* 7: 107–115.

Marynovych, M. (2010) *Ukrai'ns'ka ideja i hrystyjanstvo abo koly garcjujut' kol'orovi koni apokalipsysu* [The Ukrainian idea and Christianity or when the colored horses of the Apocalypse ride]. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Nahaylo, B. (1999). *The Ukrainian Resurgence*. Toronto-Buffalo: University of Toronto Press.

Neduzhko, Ju. (2008) «Borot'ba ukrai'ns'koi' diaspory za religijnu svobodu v Ukrai'ni (druga polovyna 70-h — 80-ti rr. XX st.) [The struggle of the Ukrainian diaspora for the religious freedom in Ukraine (second half of 70-s — 80-s of the 20th c.)], *Istorija*

Ukrai'ny. Malovidomi imena, podii', fakty (zbirnyk naukovyh stattej), vol. 35, pp. 264–287. Kyiv: In-t istorii' Ukrai'ny NAN Ukrai'ny.

Pashhenko, V. (2002) *Greko-katolyky v Ukrai'ni (vid 40-h rokiv* XX *stolittja do nashyh dniv)* [Greek Catholics in Ukraine (from the 1940s till now)]. Poltava.

«Perestroika i svoboda sovesti: preodoleny li stereotypy» [Perestroika and freedom of conscience: did we overcome stereotypes], *Rabochaia gazeta*. 20.08.1989: 3–4.

Plokhy, S. (1994). «In the Shadow of Yalta: International Politics and the Soviet Liquidation of the Greco-Catholic Church», *Logos* 33 (1-4): 59–76.

Pospelovskii, D.V. (1995) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v* XX *veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moskva: Respublika.

«Shho vidbudet'sja 17 veresnja?» [What will happen on the 17th of September], *Lenins'ka molod'*. 16.09.1989: 1.

Shtrikker, G. (ed.) (1995) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v sovetskoe vremia (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenii mezhdu gosudarstvom i Tserkov'iu*, t. 2. [The Russian Orthodox Church in the Soviet time (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between the State and Church]. Moskva: «Propilei».

Sorokovs'kyj, A. (ed.) (2009) *Materijaly do istorii' ukrai'ns'kogo patrijarhal'nogo ruhu* [Materials on the history of Ukrainian patriarchal movement]. L'viv: Svichado.

Sternjuk, V. et Gul'ko, Ja. (1991) «Shhob nihto ne viddav zlom na zlo» [Noone should respond with evil for evil], *Ljudyna i svit* 4: 14–21.

Stoc'kyj, Ja. (2008) «Derzhava i religii' v Zahidnyh oblastjah Ukrai'ny: konfesijni transformacii' v konteksti derzhavnoi' polityky 1944–1964 rokiv» [The State and religion in the Western region of Ukraine: confessional transformations in the context of government policy]. Kyi'v: FADA, LTD.

Teodorovych, G. (ed.) (2007) *Hrystyjans'kyj golos. Zbirnyk pam'jatok samvydavu Komitetu zahystu Ukrai'ns'koi' Katolyc'koi' Cerkvy* [Christian voice. Collection of samizdat's papers of the Defence Committee of the Ukrainian Catholic Church]. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Tomka, M. and Turij, O. (eds) (2004) *Vira pislja atei'zmu: religijne zhyttja v Ukrai'ni v period demokratychnyh peretvoren' i derzhavnoi' nezalezhnosti* [The faith after atheism: religious life in Ukraine in the period of democratic transformations and state independence]. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Ukrai'ns'ka Presova Sluzhba (1989) 2: 7–8.

Vajgel', Dzh. (2012) *Svidok nadii': Zhyttjepys Papy Ivana Pavla* II [The witness of hope. The biography of Pope John Paul II, translated from English]. L'viv: Vydavnyctvo UKU.

Vojnalovych, V. (2005) *Partijno-derzhavna polityka shhodo religii' ta religijnyh instytucij v Ukrai'ni 1940–1960-h rokiv: politologichnyj dyskurs* [The Party and State policy on religion and religious institutions in Ukraine 1940s–1960s: a politilogical analysis]. Kyi'v: Svitogljad.

«Z dotrymannjam zakonnosti. Zajava Rady u spravah religij pry Radi Ministriv URSR» [The Statement of the Council of Religious Affairs of the UkrSSR Board of Ministers], *Vil'na Ukrai'na*. 30.11.1989: 3.

«Zajava jepyskopatu Ukrai'ns'koi' Greko-Katolyc'koi' Cerkvy v Ukrai'ni v spravi peregovoriv Chotyrystoronn'oi' komisii' pro vidnosyny mizh greko-katolykamy i pravoslavnymy vid 17.03.1990» [The Statement of the episcopate of the Ukrainian Greek Catholic Church in Ukraine according to the negotiations of the Four-party commission about the relations between the Greek Catholics and Orthodox from 17.03.1990], *Lenins'ka molod'*. 22.03.1990: 4.

«Zvernennja Krajovij radi Ruhu, deputatam Verhovnoi' Rady SRSR, kandydatam Verhovnoi' rady URSR vid Jeparhial'noi' cerkovnoi' rady UAPC (29.12.1989 r.) (1990) [The statement of the Eparchial Church Council of UAOC to the National Council, to the deputies of the Supreme Council of the USSR and candidates of the Supreme Council of the UkrSSR], *Viche* 16: 2.